

18 АПР 1982

БЕЛГОРОДСКАЯ ПРАВДА

ЗЕМНЫЕ КОРНИ

ЛЮДИ старшего поколения, выходцы из села или знакомые с ним не понаслышке, читая новый роман Михаила Алексеева «Драчуны», не раз испытывают неповторимое острое чувство простых и вместе с тем неожиданно-радостных открытий, каждый раз мысленно восклицая: «Да ведь все это было и со мной, точно таким же было и мое — далекое и незабываемое — детство! До чего же все это удивительно точно подмечено и передано!...».

Сам писатель однажды заметил: «У человеческой памяти долгая и цепкая жизнь. Временами она, память, как бы дремлет, и тогда можно подумать, что прошлое забыто, стерлось навсегда. Но достаточно какого-нибудь, даже самого незначительного, толчка, как все вдруг оживает и в твоём сердце, и перед твоими глазами: картины минувшего встанут во всей их великой непосредственности, в их изначальной неповторимости...».

В автобиографическом романе «Драчуны» недюжинный «магический кристалл» памяти и чуткой души художника позволяют отчетливо — до самых малых черточек и затаенных глубин — увидеть и село Монастырское, затерянное в бескрайних приволжских степях, и саму степь со всем щедрым богатством ее красок и обитателей, окрестные леса, речки и озера. И исполненные подлинного драматизма картины села, развороченного коллективизацией, и страшные сцены голода, стершего село почти на три четверти.

О многом поведаст, на многое откроет глаза современному читателю этот роман. В центре авторского внимания — образы замечательных русских людей-тружеников.

Мать, Ефросинья Ильинична, — этот образ исполнен особенной трепетной любви и высокой нравственной чистоты.

*) Журнал «Наш современник» № 6, 7, 9 за 1981 г.

Дед, полный тезка писателя — Михаил Николаевич Алексеев — умудренный жизнью творец легендарного сада у Вишневого омута. Десятки неповторимых лиц жителей села — и каждое запоминается даже в тех случаях, когда встречаешься с ним на страницах романа совсем ненадолго.

Целая команда отчетливо прорисованных, накрепко западающих в память мальчишеских характеров. Среди них — закадычный Мишкин дружок — Ванька Жуков — невыдуманный тезка известного чеховского героя — с его безудержной, граничащей с безрассудством мальчишеской отвагой, которой, впрочем, «в условиях деревенского житья-бытья надобно иметь в достатке». «Редко когда, — повествует автор, — Ванькина физиономия не носила на себе свежих следов недавних горячих баталий. То, смотришь, под глазами Ванькиными синим-синим, то губа у него расцарапана, то бровь, то ухо — где-нибудь, но чуть ли не постоянно бугреет сгусток запекшейся крови, как у драчливого петуха на гребешке. Допытываться у Ваньки, кто его поколотил, бессмысленно: он никогда не скажет. Либо совет, не моргнув глазом: врезался, мол, ночью в дверную скобу или во что-нибудь еще».

Полная противоположность Ваньке Жукову тихий, задумчивый и ласковый Миша Тверсков, первый ученик школы. В голодном тридцать третьем, жертвуя собой, Миша рыцарски спасает осиротевшую семью.

С иронической усмешкой выведен верзила-переросток Самонька, который «третий год начинал свое учение в одном и том же третьем классе, поскольку перейти в чет-

вертый ему мешали выстроившиеся в несокрушимо строгий ряд сплошные «неуды».

Хочется попутно отметить одну существенную черту писательского юмора, которым щедро окрашен весь роман и который в «Драчунах» проявился особенно зрело и остроумно. Какой бы безудержной ни была улыбка автора при рассказе об очередном обителе Монастырского, она никогда не истребляет и не отменяет уважительного отно-

шения писателя к своему герою.

Даже грубому до жестокости Якову Тверскову-Соловью, обособившемуся от односельчан и до самого 1942 сурового года протерпевшему в единоличниках, автор полной мерой отдает дань заслуженного уважения: «Женщины, которые отвозили на быках хлеб часто в одном обозе с Яковым, по-настоящему оценили этого человека лишь теперь, в особенно горькую и для страны и для них, главную ее работницу, годину, — не будь его рядом с ними, заплакали бы они еще больше: колесо ли спадает с оси у фуры, ломается ли ярмо либо дышло, а он, Яков, тут как тут — оттолкнет грубо (по-инному он не мог) готовую разрезаться бабенку в сторону, высвободит бычьи потертые шеи из-под ярма и в несколько минут поправит дело, подкинет счастливаю донельшу на возок... Так и «проезжал» с бабами всю войну, а когда она, проклятая, закончилась,

окончил свое пребывание на этой грешной земле и Яков Тверсков-Соловей. Спел и он свою песню. Пускай была не соловьиной та песня, но она все-таки была, ни на чью другую не похожая, — как знать, может, этим-то прежде всего и дорога она людям, сохранившим до нынешних дней память о Якове Соловье...».

Признательное чувство любви к простым людям — людям труда, освещающее не только страницы рецензируемого романа, но и все творчество Михаила Алексеева, — думается, именно оно наполнило такой душевной теплотой портреты односельчан писателя.

Поначалу новое произведение М. Алексеева воспринимается еще одним повествованием о детстве. В этой мысли утверждает как будто и название — неожиданное, несущее отчетливый шутиливый оттенок слово «драчуны». И неторопливая интонация Алексеевской прозы, в которой отчетливо слышен спокойный голос автора, живой его разговор с волжским «о», что звучал несколько лет назад в Белгороде и Старом Осколе, и — перехваченный волнением острых воспоминаний — в шебекинских селах Крапивном, Безлюдовке (писатель приезжал сюда в места, где воевал в 1943-м).

Но именно эта спокойная интонация лучше всего вводит в мир мудрого раздумья о глубинах русского национального характера. И раздумья эти приводят к простому и важному открытию: монастырские мужики и их сыновья — босоногие мальчишки 30-х годов, драчуны — это не просто сельские, хлебопашцы, опора Отечества в мирные дни, это и его надежная защита. Те самые сол-

даты, которые в сорок первом шагнут в смертельный огонь Великой Отечественной. В невероятно тяжелом 1942-м лейтенант Михаил Алексеев командовал минометным расчетом у стен Сталинграда. Знойным летом 1943-го вместе с однополчанами освобождал наш Белгород, ломая жестокие воажьи клинья на Огненной дуге.

Не посрамили чести русского солдата и его сверстники «други игрищи забавы». И не случайно — в эпилоге романа — автор приводит читателей на широкую площадь сегодняшнего Монастырского, где «возвышается обелиск, стрелой вонзившийся в синее небо». На обелиске — скорбный список имен односельчан и среди них — те, кто «так или иначе промелькнул в... повествовании».

Новый роман — и это стало уже традицией в творчестве М. Н. Алексеева — вплотную подводит к еще одной книге, которая пока неизвестна читателю, но давно уже лежит на писательском столе, — крупному произведению о Сталинградской битве.

Появившийся после «Солдат» и «Вишневого омута», после «Ивушка не плакучей» и «Карюхи», роман «Драчуны» заставляет увидеть все написанное автором словно бы в новом свете, цементирует в единое целое, выстраивая автобиографический цикл в эпическое полотно о жизни русского народа — хлебопашца, труженика, воина.

Роман «Драчуны» — это и родниково чистая отроческая исповедь, и крупное, исполненное зрелым мастером повествование о трудном переломном времени, когда обнажились глубинные корни национального характера. Это подлинно народное произведение, и место свое оно, думается, естественно займет в ряду книг, открываемых знаменитой шолоховской «Поднятой целиной».

Б. ОСЫКОВ.